

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В.С. СВЕЧНИКОВ

РЕЛИГИОЗНОСТЬ И МАГИЧЕСКИЕ МИСТИФИКАЦИИ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ

В последнее десятилетие некоторые социологи выявляют в российском обществе особую группу противоречий, которые связываются ими с «парадоксальностью общественного сознания» [1]. На наш взгляд, никакой парадоксальности здесь нет, поскольку массовое сознание очень часто создает специфические формы конструирования мира. Среди последних немаловажное место занимают магические практики, в том числе всевозможные массовые аферы и мистификации.

Возникновение рынка «магических» услуг в России датируется телесеансами А. Чумака и А. Кашпиrowsкого в конце восьмидесятых годов. Примечательно, что государство не сочло нужным контролировать подобное воздействие на общественное сознание, отказавшись, таким образом, от идеологических установок прежних лет, направленных против экстрасенсов и магов в медицине. Выступления А. Чумака, во время которых якобы происходила зарядка воды, кремов и мазей его чудодейственной энергией, повлекли за собой лавину «оздоровительных сеансов» различных колдунов и целителей.

Людей, прибегающих к магическим практикам, трудно классифицировать из-за обилия и разнообразия предлагаемых ими услуг. Например, в Санкт-Петербурге это: «коррекция судьбы, снятие родовых проклятий, венца безбрачия, приворот, уникальный заговор на

Свечников Владимир Серафимович — кандидат технических наук, доцент Саратовского государственного технического университета. Адрес: 410054 Саратов, ул. Политехническая, д. 77, СГТУ. Телефон: (8452) 27-78-33. Электронная почта: svech@san.ru

удачу в жизни, в бизнесе, в поступлении в высшие учебные заведения, ясновидение, гадание, возврат любимых, ритуал на верность, снятие любого колдовства, эксклюзивный ритуал на связь с Ангелом-хранителем, безгрешный возврат с одновременным обучением наведения чар, абсолютная зеркальная защита от колдовства, снятие негативных программ, вывод из черной полосы жизни» [2].

Современными магами можно назвать и бабушку-целительницу, и политтехнолога, выпускающего предвыборную газету, и экстрасенса, корректирующего биополе клиента, и астролога, составляющего гороскопы, и ясновидящего, предлагающего талисман для снятия порчи, и уличную гадалку, предсказывающую судьбу по руке, и артиста оригинального жанра, проходящего сквозь стены и читающего мысли зрителей. Все они пытаются конструировать виртуальные реальности и использовать их в социальных коммуникациях. Алгоритм взаимодействия магов с клиентами примерно одинаков. Для того чтобы вызвать к себе интерес, завоевать доверие клиента и используются догадки о его рациональной реальности. Затем маг стремится закрепить доверительные отношения, усилить заинтересованность клиента и сделать его зависимым от своих возможностей. В дальнейшем рациональная реальность вытесняется виртуальной, которая прочно внедряется в сознание и подсознание клиента.

Все это стало возможным в России лишь сейчас, когда на смену официальному государственному атеизму пришла традиционная религиозность и квазирелигиозность народных масс. Оказалось, что современный и, казалось бы, рационально мыслящий россиянин живет в магическом мире. Эта явная парадоксальность общественного сознания отмечена и Л. Иониным [3]. По его мнению, победа либерально-демократического, рационалистического мировоззрения — лишь декларируемая фикция. На самом деле, чем дальше заходит прогресс, тем в больших масштабах он порождает магическое мировоззрение и сам превращается в магический феномен.

Форма и степень религиозности или квазирелигиозности являются определяющими при обращении конкретного человека к помощи мага-целителя. По данным ВЦИОМ, доля тех, кто постоянно посещает церковь и систематически соблюдает религиозные обряды, осталась за последние годы неизменной. Такой важнейший показатель церковной жизни, как число причастий, практически не изменился: по данным опросов (около 1300 человек в декабре 1989 г. и 1930 человек в сентябре 1993 г.) причащались лишь 10% респондентов [1].

В таком контексте представляется чрезвычайно важным оценить отношение к магическим практикам современной молодежи.

Обратимся для этого к данным М. Мчедлова [4]. Российский независимый институт социальных и национальных проблем провел в ноябре–декабре 1997 г. общероссийское социологическое исследование, касающееся в числе прочего религиозности российской молодежи. Методом формализованного интервью было опрошено 1974 человек от 17 до 26 лет включительно. Опрос проводился в 12-ти территориально-экономических районах РФ (согласно районированию ГКС России), а также в Москве и Санкт-Петербурге с соблюдением общероссийских квот по полу, возрасту, национально-этническому составу и социально-профессиональной принадлежности.

Исследование выявило отсутствие у молодежи отрицательных стереотипов, насаждавшихся прежде школьными программами и атеистическим воспитанием в целом, таких, как «религия мешает развитию науки», «религия — удел старушек» и т. п. М. Мчедлов отмечает, что если еще 10–15 лет назад среди всех возрастных групп самый низкий показатель религиозности (1–2%) был у молодых¹, то ныне возрастные различия уже не имеют большого значения. В этом можно убедиться по ответам респондентов всех мировоззренческих групп. Так, верующих в Бога среди молодежи оказалось 32,1%, среди взрослых — 34,9%; колеблющихся между верой и неверием, соответственно, — 27% и 27,6%; безразлично относящихся к религии — 13,9% и 14,7%; неверующих — 14,6% и 13,5%. Заметная разница имеет место лишь среди верящих в сверхъестественные силы: 12,4% молодежи и 9,3% взрослых. Автор высказывает предположение, что такой разрыв связан с увлечением молодежи различными формами нетрадиционной религиозности, в том числе вневероисповедной мистикой, к которой он относит веру в общение с духами, магию, знахарство, гадание, колдовство, астрологию [4].

Л. Новикова также отмечает возросший интерес молодежи к мистике [5]. Она объясняет это тем, что крах коммунистической партийно-государственной идеологии произошел в России исторически мгновенно. В поисках новой идеологической опоры общественное сознание обратилось к ценностным стандартам, выработанным культурой ранее и пригодным для большинства населения. Религиозная идеология, основанная на принципах универсальности и непротиворечивости, оказалась типологически близка массовому сознанию.

Однако опросы, проведенные Л. Новиковой совместно с И. Дунаевой, показывают рост не столько религиозности, сколько «квазирелигиозности»: основная масса верующих в Бога не

¹ Отметим, что среди взрослых он составлял в то время около 10%.

соблюдает традиционных требований церковной дисциплины, и их поведение религиозно не институционализировано [5]. Данный феномен автор объясняет тем, что обращение к религии происходит в ситуации, когда несколько поколений людей в большинстве своем не имели никаких связей с институтом церкви. Сегодняшняя религиозность, по мнению Л. Новиковой, проявляется не в форме возвращения к ортодоксальной вере, а скорее в форме спонтанных духовных поисков личности в этой сфере. Индикатором такого «квазирелигиозного» сознания выступал включенный в анкеты ответ: «Я верю не в Бога, а в сверхъестественные силы». Как правило, в этом случае речь идет о паранаучной (НЛЮ, астрология и т. д.) и парарелигиозной (ворожба, гадания, порча и проч.) мифологии. Мифы такого рода не имеют ярко выраженного идеологического характера, и отношение к ним у людей относительно свободное. Для респондентов они представляли собой скорее своеобразную интеллектуальную игру. Возможно, обращение к ним является первичной формой секуляризации сознания. Респондентов такого типа было 6,8%.

Л. Новикова отмечает зависимость между растущей религиозностью и полом респондентов: среди верующих и носителей квазирелигиозного сознания преобладали женщины (69,0% и 58,5% соответственно). Автор утверждает, что наиболее активно к религиозной вере обращаются самые социально незащищенные группы населения.

В этой связи представляется целесообразным рассмотреть гипотезу об инерционности общественного сознания. Одним из первых ее выдвинул Л. Митрохин: в результате крушения прежних идолов и идеалов в середине девяностых годов в России возникла мировоззренческая сумятица, произошло духовно-нравственное одичание общества, что привело к распаду живой социальной ткани. Образовавшийся вакуум начал заполняться не только ценностями религий, традиционных для России и других развитых мировых религий, но и различными мистическими и оккультными представлениями, неоязычеством и мистикой [6]. Началось формирование нового мировоззрения, которое, как считает автор, должно было удовлетворять по меньшей мере трем требованиям: а) быть противоположным прежнему мировоззрению и символизировать полное «сжигание мостов»; б) быть цельным, универсальным, способным ориентировать человека во всем многообразии феноменов повседневной жизни; в) иметь приверженцев, готовых убежденно и настойчиво внедрять его в общественное мнение.

В 90-х годах в России таким мировоззрением могла стать только религия. Однако религиозный бум, по мнению Л. Митрохина,

возникает от стремления покончить с прежней идеологией. Поэтому большинство россиян, получив долгожданную возможность отвергнуть жесткую догматическую систему, часто не задумываются о конкретном вероисповедании, которое они готовы принять, предпочитая именовать себя «верующими вообще». Л. Митрохин приводит красноречивый факт: в 1992 г. «верующими» себя называли 40% населения. Но на вопрос, исполняют ли они обязательные церковные обряды (молитвы, регулярные посещения церкви и т. д.), положительно ответили только 10–14%. Поэтому многие из «верующих», зафиксированных в социологических опросах, являются скорее всего приверженцами различных эклектических систем: неязыческих представлений, культа НЛО, астрологии [6].

Л. Воронцова, С. Филатов и Д. Фурман для описания эволюции массового сознания в современной России предлагают модель «маятника» [7]. «Маятникообразный» характер движения от атеизма к религии они видят в духовной эволюции общества на протяжении относительно большого периода его истории. В модель «маятника» хорошо вписывается «симметричность» распространения новой религиозности в отдельных социальных слоях: оно идет теми же «социальными путями», какими раньше происходило ее отступление и шло наступление атеизма. Новое, обратное движение к религиозности осуществляется прежде всего через молодежь. С 1990 по 1992 гг. рост религиозности происходил во всех возрастных группах, но при этом сохранялись два возрастных «пика»: у молодых людей и у пожилых (старше 60 лет). Такой вывод хорошо согласуется с выводом Л. Новиковой о том, что к религиозной вере наиболее активно обращаются самые социально незащищенные группы населения.

Авторы приходят к выводу, что нынешнее мировоззрение россиян эклектическое, оно сочетает логически не связанные между собой элементы: веру в науку и прогресс и некую неопределенную веру в Бога. Особую роль в нем играют квази- и паранаучные, квази- и парарелигиозные мифологемы, что вполне естественно, ибо само это мировоззрение квазинаучно и квазирелигиозно. Так, вера в некоторые мифологемы распространена значительно больше, чем вера в Бога. Верующих в Бога — 43%, а в «похищение биоэнергии» — 67%, в астрологию — 56% [7]. В аморфной массе квазирелигиозных верований идет постоянное «броуновское движение». Появляются и исчезают культы тех или иных учителей или святых старцев «с сильным биополем». Сфера этой мировоззренческой неопределенности, эклектизма растет и, судя по всему, будет расти и дальше.

В 1994 г. кафедрой социологии Новосибирского медицинского института проведен социологический опрос для изучения отношения

молодежи к религии, выявления факторов, определяющих ее религиозность [8]. Выборка отражала структуру учащейся российской молодежи дневного обучения в возрасте от 15 до 29 лет. Большинство респондентов (57,1%) поддерживали возрождение религиозных начал в духовной жизни россиян; 25% опрошенных выразили безразличие ко всему происходящему, хотя и с оттенком лояльности. Как выяснилось, самоидентификация учащихся с определенной религиозной конфессией весьма условна. 10,9% опрошенных исповедовали некую общехристианскую религию (к сожалению, не поясняется, какой смысл был заложен составителями анкеты в понятие «общехристианская религия»). Из других ответов становится ясно, что отнесение учащимися себя к определенной вере или религиозной конфессии также имеет условный, в большей степени декларативный характер. Это подтверждается тем, что подавляющее большинство респондентов редко посещали храмы, молитвенные дома или совсем не посещали их, не участвовали в совершении богослужений, не соблюдали обряды [8]. Среди тех, кто назвал себя «верующим», были поклонники идей Е. и Н. Рерихов, те, кто верил в высший разум, природу, судьбу, любовь, справедливость, астрологию и т. д. Всего таких «верующих» набралось 7–8%. Выделяется также группа тех, кто верил только в себя (4,4%) или, как они добавляли, в «своего бога».

Результаты опроса свидетельствуют, что в молодежной среде широко распространены мистические верования, не оформившиеся в четкую религиозную веру. При этом понятие бога весьма размыто. Для молодежи скорее характерно квазирелигиозное сознание и вера в магию. По данным социологических опросов 1991 и 1992 гг. [7], достаточно прочные позиции сохраняет вера в чудеса и исцеления: 24% в 1991 г. и 34% в 1992 г. В психологическом плане эта вера находится в одном ряду с верой в «похищение биоэнергии». У молодежи отсутствует четкая мировоззренческая позиция. Эта среда оказывается весьма благодатной для внедрения оккультного мировоззрения, проникающего под видом новых научных идей.

С начала 1990-х годов в России наблюдается бум магического целительства. Рынок «магических услуг» формировался, с одной стороны, за счет огромного спроса на такие услуги, стихийно возникшего в России в связи с исчезновением официальной идеологии, а, с другой стороны, за счет весьма интересных и многообещающих предложений новоявленных магов и целителей, распространяемых через средства массовой информации. Весьма показательны история возникновения и социальная структура одной общественной организации, которая имела прямое отношение к магии.

В 1990 г. в России была создана общественная организация, получившая название Российское Магическое Братство (РОМБ).

РОМБ был официально зарегистрирован в Москве как филиал Международного Братства Магов — Магический Круг России № 288 (The International Brotherhood of Magicians, Ring of Russia 288). Инициатором его создания выступил Президент Международного Братства Магов Энтони Шелли (Англия). За рубежом эта общественная организация объединяет в основном сценических магов-иллюзионистов, наподобие Дэвида Копперфильда. Но в нашей стране в нее принимали всех желающих. За первые четыре года существования организации открылись пять ее региональных отделений: смоленское, воркутинское, кемеровское, пензенское и саратовское. В 1994 г. в РОМБе зарегистрировано 1025 человек, а в 1996 г. — 1340. Очевидно, положение устава, делающее вступление в РОМБ предельно простым (требовалась лишь рекомендация двух его членов) сделало организацию достаточно массовой.

Основная цель создания РОМБа, провозглашенная в его уставе, — всемерное развитие магии как синтеза науки и культуры, просветительская и образовательная работа, тестирование и экспертиза паранормальных явлений. РОМБ провел два съезда — в 1991 и 1993 гг. Каждый вступающий в Российское Магическое Братство заполнял анкету, в которой в произвольной форме отвечал на ряд вопросов. Анализ анкет выявляет динамику изменения количественного состава организации, ее социальный состав, образовательный уровень и возраст ее членов, магические направления, привлекающие вступающих в Братство, мотивы обращения к магическим практикам и уровень владения магическими технологиями кандидатов в члены РОМБа. 54% членов РОМБа — женщины и 46% — мужчины. 96% вступающих женщин хотят изучать основы лечебной магии и только 4% — обучиться основам иллюзионизма. У мужчин наблюдается противоположная тенденция: 84% кандидатов хотят изучать иллюзионизм и лишь 16% — лечебную магию. Средний возраст женщин, желающих изучать основы лечебной магии, — 42 года, мужчин — 45 лет. Имеют высшее образование 7% членов РОМБа (техническое — 4,5%, гуманитарное — 2,5%), среднее и среднее техническое — 84%, учатся в школах и техникумах — 9%. 11% кандидатов назвали себя профессионалами в области лечебной магии, имеющими собственные методики лечения; многие заявляли, что и сами обладают экстрасенсорными способностями. Считали себя верующими 83% кандидатов, но при этом не указали, к какой именно религиозной конфессии они принадлежат. К 1998 г. в Российском Магическом Братстве проявились внутренние противоречия между членами организации, верящими в магию, и теми, кто отвергал сверхъестественные силы. Очевидно, именно эти противоречия и привели к фактической самоликвидации РОМБа в 2001 г. Тогда же перестал выходить и журнал этой общественной организации.

В июле 2001 г. мы сняли видеофильм о применении экстрасенсом метода маятника и метода Фолля для считывания информации из «информационного поля». Документальные съемки со всей очевидностью показывают неспособность «экстрасенса» получать информацию каким-либо иным путем, кроме как через обычные сенсорные каналы. Этот фильм демонстрировался на встречах автора с преподавателями и студентами саратовских университетов. Во время университетских встреч проводилось анкетирование. Из 254 респондентов (30% — студенты университетов, 70% имели высшее образование, 10% — ученую степень) 85% назвали себя верующими, 15% — атеистами. Характерно, что лишь 5% из назвавших себя верующими обозначили свою принадлежность к определенной религиозной конфессии. С паранормальными явлениями лично встречались 74% опрошенных, однако 70% нуждались в доказательствах реальности магии. Из числа «верующих» 88% считали магию реально существующим явлением. Реальное существование экстрасенсорики признали 100% «верующих». 89% из них были уверены, что магии можно обучиться по книгам либо с помощью опытного наставника. К помощи целителей прибегали 80% «верующих». 90% «верующих» считали, что с помощью магии можно управлять явлениями природы и людьми. Ровно половина «верующих» выразили желание с помощью магии изменить другого человека. 75% процентов опрошенных «атеистов» заявили однако, что верят в магию и экстрасенсорику, а также в то, что магии можно обучиться и что с ее помощью можно управлять природой и людьми, но только 25% из них хотели изменить посредством магии другого человека. Из «атеистов» никто не обращался за помощью к целителям.

Магические интеракции можно рассматривать как специфические формы игры с односторонне неопределенными правилами. Маг, конструирующий виртуальную реальность магического взаимодействия, не только создает эти правила, но и произвольно меняет их в зависимости от развития ситуации. Для успешного оперирования игровой ситуацией маг должен активно поддерживать обратную связь. Многослойная виртуальная реальность с регулируемыми каузальными связями в каждом слое не оставляет клиенту шанса понять правила игры. Как только маг чувствует, что клиент приближается к пониманию ситуации и начинает выпадать из виртуального пространства, он совершает комплекс действий, меняющих причинно-следственные связи и создающих новый слой виртуальной реальности.

Клиенты современных магов могут быть условно разделены на две группы. К первой группе следует, на наш взгляд, отнести клиентов, добровольно вступающих в эту игру и ждущих от

взаимодействия с магом определенных результатов. Обычно они идут на контакт с целью решения каких-то духовных или материальных проблем, которые формулируют при первых контактах либо осознают в процессе магической интеракции. Социальные роли участников игры достаточно четко определены с самого начала коммуникации и поддерживаются всеми ее партнерами. Клиенты осознают, что с помощью мага они попадут в иную реальность, надеются на решение или определение путей решения своих проблем способами, недоступными в реальности обыденной жизни. Они добровольно берут на себя роль ведомых. От искусства мага всецело зависит полнота, прочность и цельность конструируемой виртуальной реальности, ее темпоральность и глубина погружения в нее клиента.

Добровольность обращения к магу представителей этой социальной группы, их позитивные ожидания идут рука об руку с их верой в действенность магии. Именно вера в то, что маг взаимодействует с силами и энергиями, способными влиять на некоторые обстоятельства и связи реальной жизни, предопределяет неукоснительное следование основному правилу магической интеракции. Добровольность подчинения клиента базируется на его вере. Однако многочисленные примеры магических практик показывают, что вера может быть поколеблена и сломлена. Декларируемая клиентами добровольность участия в интеракции и подчинение воле мага далеко не всегда подкрепляются верой на подсознательном уровне. В таких случаях клиент испытывает неосознанное внутреннее сопротивление. Поэтому в большинстве магических интеракций, базирующихся на трансовых технологиях, на первой стадии коммуникации клиента плавно вовлекают в виртуальную реальность, одновременно пытаясь отключить его внутренние системы противодействия. Для этого применяется мощный комплекс скрытых приемов подавления воли. Тем не менее основным классификационным признаком первой социальной группы является сознательно декларируемая вера в магию и стремление к магическому взаимодействию по установленным правилам.

Вторая группа участников магических коммуникаций — это люди, случайно попавшие в сферу интересов мага и скептически настроенные по отношению к магии. Большинство из них интуитивно улавливают, что правила игры в этой сфере им совершенно чужды. Их противодействие создает для мага проблему, решение которой требует от него значительных энергетических затрат.

Таким образом, поддержка и взаимодействие либо отрицание и противостояние определяют социальный тип агентов, вступающих в магические коммуникации. Если в первой группе отсутствие специальных знаний, позволяющих понимать сущность происходящего,

является залогом успешного добровольного взаимодействия с магом, то во второй лишь знание приемов и техник социального конструирования виртуальных реальностей позволит участнику успешно противостоять вовлечению в «иной мир». Человек, вступающий в область магических интеракций, должен четко осознавать, что коммуникация происходит в искусственно создаваемой социальной реальности с измененными каузальными связями. Но такое осознание возможно далеко не всегда. Маги, конструируя и внедряя в сознание виртуальные реальности, в большинстве случаев не объясняют подлинный смысл предпринимаемых ими действий, стараясь незаметно вытеснить из сознания клиента привычную для него социальную реальность.

Со стороны представителей второй социальной группы возможны две стратегии успешного противодействия. Первая предполагает быстрый выход из ситуации и возврат в привычное социальное пространство. Вторая основана на отстраненном и обезличенном существовании в виртуальном пространстве. Но и в том, и в другом случае необходимо как минимум осознание самого факта вхождения в виртуальную реальность, отличную от привычной социальной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тоценко Ж.Т. О парадоксах общественного сознания: социологический аспект // Социологические исследования. 1995. № 1.
2. Асток-пресс. Санкт-Петербургская рекламно-информационная газета. 2002 г. № 31 (446). 5 августа. С. 20.
3. Ионин Л.Г. Постмодерн: новая магическая эпоха. Русский журнал [online] <www.russ.ru/ist_sovr/20020514_ion.html>
4. Мчедлов М.П. О религиозности российской молодежи // Социологические исследования. 1998. № 6.
5. Новикова Л.Г. Основные характеристики динамики религиозности населения // Социологические исследования. 1998. № 9.
6. Митрохин Л.Н. Религиозная ситуация в современной России // Социологические исследования. 1995. № 11.
7. Воронцова Л.М., Филатов С.Б., Фурман Д.Е. Религии в современном массовом сознании // Социологические исследования. 1995. № 11.
8. Кулаков П.А. Учащаяся молодежь и религия // Социологические исследования. 1995. № 11.